

Чэнь Илинъ спал беспробудно, зато проснулся с давно забытым чувством легкости во всем теле. Он сладко потянулся, с головой зарылся в теплое одеяло, но уже через минуту нехотя сел. Шлепая тапочками и прижимая к себе пластиковый таз, парень побрел в умывальник.

Запах «Чэнь Илинъ» исчез.

К сожалению, в следующие несколько дней знакомый аромат лайма так и не появился. Впрочем, были новости и получше: ему наконец выплатили получку за второй месяц — целую тысячу четыреста юаней.

— Отлично! Может, вечером нагрянем на шашлыки, обмыть это дело? — с жаром предложил Гао Болэ.

— Я пасс, — отозвался Чэнь Илинъ, запихивая купюры во внутренний карман рюкзака.

— Да ладно тебе, мы подождем, пока ты ужин разнесешь. Торопиться некуда, — Гао Болэ решил, что тот переживает из-за своей подработки.

— Да нет, у меня правда дела, — Чэнь Илинъ закинул рюкзак на плечо и перепрыгнул сразу через три ступеньки. — Брат Лэ, я побежал!

— Ишь ты, — усмехнулся Гао Болэ вслед урагану. — Ну и егоза.

Чэнь Илинъ направился напрямиком в супермаркет.

Надо купить коробку молока для дяди Ли, пакет фруктов для директора Вэня, печенье для тетушки-коменданта в общежитии... Прикидывая в уме расходы, он проходил мимо отдела канцтоваров и вдруг замер.

На витрине лежала черная стальная ручка. Ее матово-черный корпус казался сделанным из какого-то благородного материала; тонкая, изящная, она приятно оттягивала ладонь своей весомостью.

Взгляд упал на ценник — семьдесят девять юаней и девяносто фэней.

«...»

Чэнь Илинъ молча вернул ручку на место.

Грабеж средь бела дня.

Пока время позволяло, он заскочил в учебный корпус и общежитие. Директор Вэнь при виде фруктов слегка удивился, зато тетушка Вэй так и расплылась в улыбке. Не теряя ни минуты, Чэнь Илинь подхватил молоко с термосом и припустил в больницу.

У дверей палаты стоял незнакомый парень года двадцать. Высокий, с длинной челкой, зачесанной набок, в косухе, свободных карго и броских ботинках с заклепками — вылитый столичный модник.

Чэнь Илинь сверился с номером палаты и, убедившись, что не перепутал, приоткрыл дверь:

— Дядя Ли, у меня сегодня получ...

Слова застряли в горле.

В палате стояла девчонка лет семнадцати-восемнадцати, одетая точь-в-точь как тот парень за дверью — в такую же куртку и тяжелые ботинки. На ее плечи спадали ультрамодные серо-голубые волосы. Говорила она сухо и отстраненно:

— Я пришла, как ты просил. А теперь живо гони деньги.

Ли Цзяньминь, сидевший на койке, так и спал с лица — кожа у него стала землисто-серой от гнева.

Соседа по палате увели на процедуры, так что внутри были только они двое. Тот пижон из коридора заглянул внутрь и нетерпеливо бросил:

— Тяньтянь, шевелись, нам пора.

Чэнь Илинь застыл на пороге, не зная, уйти ему или остаться.

— Какие еще деньги?! — взорвался Ли Цзяньминь. Дрожащим пальцем он ткнул в сторону парня у двери: — Совсем голову потеряла? Связалась с этим сбродом неформальным, думаешь, до добра доведет? Ли Тянь, ты школу забросила! Кем ты стать собираешься? О матери бы подумала!

— Не твое дело! — взвизгнула Ли Тянь.

— Я твой отец! Кто о тебе позаботится, если не я?! — Ли Цзяньминя трясло от ярости. — Если бы твоя мать видела, во что ты превратилась...

— Не смей поминать маму! — сорвалась на крик девочка, и в ее голосе звенящая злость

смешалась с закипающими слезами. — Если бы тебе так не приспичило завести сыночка, мама не умерла бы при родах! Ты не имеешь права даже говорить о ней!

Ли Цзяньминь точно подавился. Его ввалившиеся глаза медленно налились кровью:

— Но ведь...

Истерический плач Ли Тянь заполнил палату:

— Хватит строить из себя жертву! Ты убил мою маму! Больше всего на свете я ненавижу тебя! Лучше бы ты сдох!

Губы Ли Цзяньминя беззвучно шевельнулись, но он так и не смог вымолвить ни слова. Плечи его бессильно опустились.

— Ладно, Тяньтянь, не реви. Пошли, — парень, потеряв остатки терпения, вошел в палату, бесцеремонно приобнял ее за плечи и увел прочь.

Чэнь Илинь подошел к койке, где застыл потрясенный мужчина:

— Дядя Ли.

Тот вздрогнул, словно очнувшись от кошмара, наспех утер лицо и виновато улыбнулся:

— Извини, Сяо Чэнь. Пришлось тебе выслушать эту сцену.

Чэнь Илинь покачал головой:

— Это ваша дочь?

— Да, — после долгой паузы хрипло отозвался Ли Цзяньминь. — Знаешь, а ведь раньше Тяньтянь была такой послушной девочкой. В средней школе училась лучше всех. Но когда ее матери не стало... это подкосило ее. Наверное, еще и возраст такой переходный. Она ведь не со зла, просто сгоряча наговорила.

— Да все нормально, подростки все такие. Перебесится, — Чэнь Илинь принялся открывать термос и выкладывать еду, переводя разговор на бытовую колею.

Мужчина слабо усмехнулся:

— Да ты и сам еще мал, а рассуждаешь как дед старый.

— Ну дык, — притворно вздохнул Чэнь Илин. — Я целый месяц за братом Лэ повторял и звал дядю Суна «братом».

Ли Цзяньминь покачал головой:

— Ты на этого Гао меньше смотри, у парня ветер в голове, лепит что ни попадя.

Чэнь Илин протянул ему палочки для еды.

Ли Цзяньминь сделал лишь пару вялых глотков и отложил приборы. Чэнь Илин хотел было вставить подбадривающее слово, но не нашелся с ответом. Быстро управившись со своей порцией, он ушел в умывальник помыть посуду. Вернувшись, парень уловил за закрытой дверью глухие, сдавленные рыдания.

Он убрал руку с дверной ручки и остался стоять в коридоре, прислонившись к стене с чистыми площадками.

— Чего тут торчишь, как наказанный? — поинтересовался доктор Пан Го, возвращавшийся с обеда.

Благодаря ежедневным визитам Чэнь Илина уже знало все отделение. А поскольку Пан Го приходился Ли Цзяньмину родственником, они с парнем успели неплохо сойтись.

— Да вот, — Чэнь Илин прижал к груди чистую посуду, — стою, жирок разгоняю.

— Здоровый образ жизни, значит, — хохотнул Пан Го, но тут же осекся, услышав приглушенный плач из палаты. Он посерьезнел и тихо спросил: — Что, Ли Тянь навещала?

— Ага, разругались в пух и прах, — подтвердил Чэнь Илин. — Доктор Пан, вы бы зашли, поговорили с ним.

Пан Го тяжело вздохнул:

— Тут словами не поможешь. Я бессилен.

— Из-за того, что дядя Ли грезил о наследнике? — Чэнь Илин поморщился. Ему эта концепция претила, но как выразить мысль поточнее, он не соображал.

— Да если бы! Все совсем не так, — Пан Го огляделся и понизил голос. — Тетушка тогда

забеременела случайно. Они поначалу и рожать-то не думали. Но на УЗИ выяснилось — двойня. Причем оба плода развивались идеально, да и тете едва за тридцать перевалило, здоровье позволяло. Врачи хором уговаривали оставить. У Ли как раз дела в гору пошли, денег хватало, чтобы троих на ноги поднять. Подумали они, посоветовались и решили рожать. Вся беременность прошла без сучка без задоринки...

Казалось бы, идеальная история со счастливым концом.

— Но во время родов случилась эмболия околоплодными водами. Тетя умерла прямо на операционном столе. Малышей две недели пытались спасти в реанимации, но они ушли один за другим. Мальчик и девочка.

Чэнь Илинь онемел от услышанного.

— Тяньтянь тогда совсем крохой была, а злые языки среди родни давай шептаться, будто Ли до смерти загнал жену ради сына, — Пан Го горестно покачал головой. — А они ведь до последнего даже пола не знали! Просто пожалели неродившихся крох. Судьба-злодейка, что тут скажешь.

Чэнь Илинь перевел взгляд на смотровое окошко в двери. Вдруг перед глазами все поплыло. В следующую секунду он увидел, как палату заполняют клубы грязно-серых, склизких волокон. Густая паутина скверны стягивалась вокруг Ли Цзяньминя, грозя поглотить его без остатка.

— Дядя Ли! — дико закричал парень и ворвался в комнату.

Ошарашенный Пан Го ринулся следом. Ли Цзяньминь, как раз утиравший нос бумажным платком, испуганно вскинулся:

— Случилось чего?

Мерзкая серая мгла мгновенно рассеялась. Чэнь Илинь глупо замер с приоткрытым ртом. Не зная, как выкрутиться, он ткнул пальцем в принесенную коробку:

— Э-э... Молочка не хотите?

Ли Цзяньминь опешил:

— А?

— Ну ты и паникер, чуть инфаркт мне не устроил! — пропыхтел Пан Го, вваливаясь следом и придерживая руками солидное пузо.

Чэнь Илинь смущенно заулыбался. Ли Цзяньминь, глядя на эту нелепую сцену, тоже невольно потеплел лицом:

— Ну давай, неси сюда.

Парень тут же облегченно выдохнул и до кучи всучил пакет молока доктору Пан Го. Тот, все так же ничего не понимая, зашел за компанию, а вышел с гостинцем под мышкой.

Чэнь Илинь тянул время, не решаясь уйти и бдительно сканируя углы палаты. Однако гнилостные серые миазмы больше не показывались. Наконец Ли Цзяньминь мягко перебил его бдения:

— Сяо Чэнь, уже десятый час пошел. Шел бы ты в общежитие, отдыхать пора.

Чэнь Илинь замялся.

— Да правда, все хорошо. Тяньтянь — моя кровь, разве я могу долго держать на нее обиду? — устало улыбнулся мужчина. — Ступай, завтра ведь на работу.

Делать было нечего, и Чэнь Илинь побрел обратно в колледж.

В половине одиннадцатого вечера в коридорах общежития начал гаснуть свет. Нащупывая в кармане ключи, Чэнь Илинь вдруг спиной почувствовал чужой взгляд. Он резко обернулся — так и есть, у стены замер давешний очкарик.

По позвоночнику пробежал противный холодок. Чэнь Илинь злобно зыркнул на него и рявкнул:

— Слышь, блядь, у тебя с башкой как? Нормально вообще?

Вечно трется за спиной и пялится исподтишка.

От крика очкарик испуганно вжал голову в плечи. Чэнь Илинь сунул ключи обратно в карман и ухватился за увесистый деревянный дрын, прислоненный у входа.

Парень дал стрекача так, что только пятки засверкали. Чэнь Илинь яростно взмахнул дубинкой ему вслед:

— Еще раз увижу рядом, сука, ноги повыдергиваю!

Дерево с глухим, пугающим грохотом врезалось в железную дверь пожарного щитка.

В коридор выглянули любопытные рожи из соседних комнат, но стоило Чэнь Илиню одарить их тяжелым взглядом, как двери спешно захлопнулись. Парень отпер свой замок и уволок дубинку в комнату. Он держал ее наготове уже несколько дней специально ради этого преследователя. И плевать, человек это или нечисть — «Чэнь Илин» вон даже пожарного топора испугался.

Кстати, о двойнике. При мысли об исчезнувшем «Чэнь Илине» на душе снова заскребли кошки.

В кабинете директора Вэня у Чжэн Хэна аура отливала багрово-фиолетовой плесенью. Сегодня у дяди Ли вилась серо-черная гадость. Ладно бы один раз привиделось, но это уже третий случай! Причем у дяди Ли скверна была куда гуще и осязаемее... Что за чертовщина творится вокруг?

Внутреннее чутье подсказывало, что призрак точно знает разгадку.

Да только этот гад не появлялся уже целую неделю.

В настенном зеркале отразилось его хмурое лицо, а вместе с ним — едва заметный желтый уголок, торчащий из щели дверного косяка.

Чэнь Илин потянулся и извлек бумажку. Директор Вэнь думал, что ловко подсунул ее, пока студент отвернулся, но тот прекрасно разглядел весь маневр в отражении.

Светло-желтый листок был сложен аккуратным треугольником. Развернув его, Чэнь Илин уставился на вязь замысловатых знаков, выведенных киноварью. За последние дни он успел изучить этот узор вдоль и поперек и пришел к выводу, что он поразительно похож на защитный символ, которому его учил призрак. Вот только в нижнем углу красовалась странная печать в виде латинской буквы «X» — или, если приглядеться, двух зеркально повернутых полумесяцев, напоминающих буквы «С».

Повертев амулет в руках, он вытащил зажигалку и чиркнул колесиком.

Пепел тихо осел на линолеум. И почти сразу в сгустившемся мраке послышался едва уловимый шорох, будто кто-то бесшумно ступил на серые хлопья.

Чэнь Илин уже крепко спал на своей кровати.

Полупрозрачный силуэт соткался прямо у изголовья. Призрак замер, уставившись на спящего тяжелым, мрачным взглядом. Спустя минуту он медленно наклонился и нежно коснулся пальцами теплой щеки юноши.

— Линьлин, сколько лет, сколько зим.

Спящий парень недовольно поморщился и перевернулся на другой бок, подставив пришельцу спину.

«Чэнь Илин» тихо рассмеялся и привычным движением скользнул под одеяло. Он обвил руками чужую талию, уткнулся лицом в теплую шею и зашептал:

— Я так был занят эти дни, никак не мог вырваться к тебе. А все потому, что кое-кто ведет себя плохо.

Объятый сном юноша дышал ровно и размеренно, его грудь плавно вздымалась и опускалась.

«Чэнь Илин» знал, что его не услышат, и осмелел: сжался плотнее, позволяя своим призрачным рукам медленно «прорасти» сквозь живую плоть парня, сливаясь с ней воедино. Перехватив контроль, он заставил руку Чэнь Илина поправить одеяло и проворчал:

— И когда стираешь вещи, будь аккуратнее. Если бы не я в тот раз, расшибся бы на мокром полу. А ты мне даже «спасибо» не сказал.

Тоже мне, спаситель нашелся.

Впрочем, отсутствие ответа его ничуть не смущало. Он сгреб парня в охапку, постепенно растворяясь в его очертаниях, и недовольно пробормотал:

— И почему ты вечно ложишься без белья после душа? Тебе самому-то удобно? Что за дурные привычки.

Критик выискался.

Под конец он дернул за шнурок сползающих спортивных штанов на бедрах юноши и со вздохом добавил:

— Купи ты уже пижаму, Линьлин.

— Молчишь... Скука смертная, — наигравшись со спящим телом, призрак напоследок хлопнул Чэнь Илина по животу его же ладонью. — Ладно, на сегодня прогресс и так неплохой. Спи.

Подвел, называется, итоги.

Ночь пролетела мгновенно. На рассвете «Чэнь Илин» открыл глаза и плавно отделился от

тела парня. Опустив взгляд на свои руки, он отметил, что его контуры стали еще чуточку плотнее, и самодовольно прищурился. Перед уходом он заботливо подоткнул спящему одеяло, но удержаться так и не смог: поднял чужую руку и провел ладонью по лицу Чэнь Илиня. Так прикосновение казалось по-настоящему живым — ему безумно нравилось ощущать исходящий от парня жар, в точности повторяющий его собственный.

Чэнь Илинь во сне недовольно мотнул головой.

Двойник с любопытством склонился над ним, осторожно приподнял его подбородок и с усмешкой прошептал:

— Какой послушный мальчик. Хочешь увидеть меня сегодня ночью?

Не дожидаясь ответа, он мягко надавил на макушку юноши, заставляя того дважды кивнуть.

Довольный своей проделкой, призрак легонько потрепал Чэнь Илиня по щеке и занес руку, собираясь начертить в воздухе заклинание ухода, но в то же мгновение стальные пальцы мертвой хваткой вцепились ему в горло.

«Чэнь Илинь» застыл. Подчиняясь властному рывку, он медленно поднял взгляд.

Тот, кто должен был беспробудно спать, с трудом разомкнул веки. Голос его звучал глухо и хрипло, но отчетливо:

— Попался, сука.

За окном брезжил серый рассвет и завывал ледяной северный ветер. По стеклу, усеянному каплями конденсата, сбегали тонкие ручейки воды. В комнате еще пахло ночным теплом, а на полу лениво кружились черные хлопья сгоревшего амулета.

«Чэнь Илинь» тихо, предвкушающе рассмеялся.

<http://bllate.org/book/19008/1917528>